

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ, ИСКУССТВА/THEORY AND HISTORY OF CULTURE, ART

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2026.172.38> EDN: CCEMAK

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ КАК ОСНОВА РАЗВИТИЯ КРЫМСКОТАТАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Научная статья

Чернышева Е.В.^{1,*}¹ Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова, Симферополь, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (lenara-z[at]mail.ru)

Предложена: 11.08.2026; Принята: 13.10.2026; Опубликовано: 16.10.2026

Аннотация

Исследование посвящено изучению роли традиций в становлении крымскотатарской культуры периода раннего Нового времени. Обосновывается роль особого метаисторического компонента в формирующейся концептуальной модели, возможность сохранения в культуре архаических элементов. Целью статьи является сопоставление социокультурных установок, сформировавшихся на различных этапах истории крымского общества. Рассмотрены системные концепты «кумуляция», «дивергенция», «культурный синтез», «селекция», «конвергенция». Используются архитектурный, сравнительно-исторический и системно-синергетический методы. Доказывается целесообразность использования архитектурного метода в дальнейших исследованиях истории культуры Крыма.

Ключевые слова: традиции, преемственность, эллинизм, улус Джучи, Хазарский каганат, Крымское ханство, суфизм, кумуляция, дивергенция, культурный синтез, селекция, конвергенция.

CONTINUITY AS THE BASIS FOR THE DEVELOPMENT OF CRIMEAN TATAR CULTURE

Research article

Chernysheva E.V.^{1,*}¹ Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov, Simferopol, Russian Federation

* Corresponding author (lenara-z[at]mail.ru)

Suggested: 11.08.2026; Accepted: 13.10.2026; Published: 16.10.2026

Abstract

The study is devoted to the study of the role of traditions in the formation of the Crimean Tatar culture of the early modern period. The role of a special meta-historical component in the emerging conceptual model is justified, the possibility of preserving archaic elements in culture. The purpose of the article is to compare the socio-cultural attitudes that have formed at various stages in the history of Crimean society. Systemic concepts "cumulation", "divergence", "cultural synthesis", "selection", "convergence" are considered. Architectonic, comparative-historical and system-synergistic methods are used. The expediency of using the architectonic method in further studies of the history of the culture of Crimea is proved.

Keywords: traditions, continuity, Hellenism, the Jochi ulus, Khazar Khaganate, Crimean Khanate, Sufism, cumulation, divergence, cultural synthesis, selection, convergence.

Введение

Темы преемственности культурного развития, сохранения традиций и формирования нравственных ценностей привлекают значительное внимание ученых, сохраняют важность в исторической культурологии. Большое значение имеет связь традиций с воспитанием, духовным ростом и социальным взаимодействием. Особую актуальность данные вопросы приобретают при их изучении в связи с историей полиэтничных и поликонфессиональных регионов. Характерен пример крымского общества XV–XVII вв., являющегося объектом данного исследования.

Цель статьи — рассмотреть типологическое сходство социокультурных установок крымского общества XV–XVII столетий и более ранних эпох (от периода эллинизма до этапа раннего Средневековья).

Задачи:

- рассмотреть интерпретацию концепта «традиция» исследователями второй половины XX в и современными авторами;
- проанализировать явление традиции, сопоставив понятия «традиция» и «преемственность»;
- рассмотреть историко-культурное развитие Крыма, опираясь на теорию системных концептов И.В.Кондакова.

Методы исследования — сравнительно-исторический, системно-синергетический, архитектурный.

Результаты: подтверждена системная корреляция культурно-социальных паттернов эллинистической эпохи и периода Крымского ханства.

Основные результаты

Процесс накопления и трансляции норм, смыслов и символов — социально значимой информации, опорой для которой служат традиции, — характерен для истории множества культур. Традиции противостоят хаосу, защищая культуру от распада. Согласно Э.С.Маркаряну, культурную традицию следует воспринимать как выраженный в социально организованных стереотипах групповой опыт, воспроизводящийся в различных человеческих коллективах путем пространственно-временной трансмиссии [20, С. 79–80].

В качестве устойчивой системы ценностей рассматривает традицию, формируемую и транслируемую элитами различных сфер общества, Э. Шилз. Анализируя явление в рамках социума, для определения сферы ценностей, символов и представлений, имеющих сакральное значение и регулирующих социальную жизнь, ученый использует понятие «центр» [29, С. 162].

И.Х. Улинова, отмечая, что особые оттенки интерпретации понятия «традиция» существуют в исторической науке, искусствоведении, этнографии, предполагает, что каждая культура, независимо от своей способности к инновациям, обладает «традиционным ядром», подобным «геному», обеспечивающим минимальный, но необходимый уровень для сохранения и устойчивого воспроизводства культуры [24, С. 124]. Согласно автору, даже в наиболее консервативных культурных системах возможно появление инновационного компонента. В ряде случаев инновации, обеспечивая адаптивный потенциал культуры как инструмента человеческой деятельности, представляют собой результат трансформации традиций. Источники инноваций могут быть результатом технологического прогресса, значительного интеллектуального прорыва, являться заимствованием из другой культуры. Кроме этого, в процессе развития вероятным является возвращение к забытым или маргинализированным практикам [24, С. 125–128].

Следует отметить, что традициям как устоявшимся, социально одобренным и многократно повторяемым моделям поведения, ценностям, нормам, знаниям и ритуалам, воспринимающимся как часть культурной идентичности группы, придает смысл преемственность. Если традиция — форма воспроизведения и закрепления опыта, преемственность представляет собой механизм его передачи. Как говорится у С.К.Бондыревой, преемственность может включать развитие, модернизацию и даже переосмысление переданного, позволяя опираться на достигнутое ранее, совершенствуя и развивая его [5, С. 16–20].

Характерно, что сосуществование в одном произведении разновременных пластов культуры является ключевой особенностью фольклорного искусства. Явление многослойности соотносимо с вариантом развития как повторения пройденного пути, возвращения вариантов прежней идеологии, повторения исходных сюжетов. На примере фольклорных произведений можно отметить влияние друг на друга различных видов искусства, смешение жанров, отражение в сюжетах различных исторических эпох, переосмысление старых образов.

Зачастую более древние, архаичные элементы оказываются более прогрессивными по сравнению с новыми системами. Старое побеждает, что способствует развитию и сохранению культурного кода [28, С. 60].

Как было указано, новые элементы в сформировавшейся художественной и социальной системе могут быть результатом воздействия чужой культуры. В силу изоморфизма фольклорного искусства возможно усложнение картины его развития: общие элементы являются частью целостного явления, а последнее рассредоточено между различными субъектами культурного взаимодействия. Как следствие — в культуре проявляется только то, для чего уже существовала основа. Идеологически, ментально и эстетически чуждое не заимствуется. Соответственно, невозможно его формирование в собственной культуре.

Тезис о многослойности фольклора находит подтверждение в идеях И.В.Кондакова, согласно которому история каждой культуры носит нелинейный характер. Приходя на смену одна другой, культурно-исторические парадигмы составляют архитектуру культуры, т.е. такую смысловую конструкцию, в которой топологический и динамический аспекты культуры взаимообусловлены и дополняют друг друга. Архитектура культуры служит смысловым «каркасом» соответствующей цивилизации [14]. Как полагает исследователь, историческое развитие каждой культуры предстает как структурированная последовательность концептуальных моделей и парадигм, каждая из которых несет в себе имплицитные предпосылки для зарождения следующей, «программирует» собственное дальнейшее развитие. Новая культурно-историческая программа не отбрасывает прошлое, а включает в себя содержание предыдущих этапов.

Следует отметить близость данной концепции и идеи «текстовой матрицы» С.А.Лебедева. Ученый рассматривает «текстовую матрицу» в качестве носителя «свёрнутых» ценностей и верований. Матрица способна выполнять функцию эталона или целевой установки для культурного развития. При этом движение к такому эталону не понимается как строго линейный прогресс: динамика культурного развития может включать колебания и даже возврат к ранее существовавшим моделям при условии их адаптации к актуальным условиям. В итоге «текстовая матрица» предстаёт не просто как резервуар культурных смыслов, но и как активный механизм, обеспечивающий саморегуляцию культуры [16].

И.В.Кондаков предлагает анализировать культуру через системные концепты — фреймы. Это своего рода «информационное отражение» целостности, каркас, схема, способствующая структурированию опыта, художественных, научных, бытовых текстов. В данную систему могут встраиваться социальные практики, политические идеи, нравственные и религиозные установки, научные теории, художественные стили, философские концепции. Как полагает исследователь, многомерная конфигурация национальной культурной истории может быть представлена в форме ступенчатой «пирамиды», в которой каждая последующая парадигма «наслаивается» на предшествующую, одновременно и продолжая, и преодолевая ее [14].

Предполагая, что на основе архитектурного метода информационное отражение истории культуры Крыма следует рассматривать, используя системные концепты «кумуляция», «дивергенция», «культурный синтез», «селекция», «конвергенция».

Под кумулятивным эффектом в культуре следует понимать механизм, обеспечивающий сохранение традиционных элементов в условиях социокультурных изменений. При перемене социальных или идеологических условий старые и новые семиотические коды не просто сосуществуют, а синтезируются. В результате появляются гибридные формы, а культурная традиция не исчезает, а усложняется: старые элементы адаптируются к новым условиям, сохраняя некоторые архаические черты.

Как говорится у М.А.Щеголева, состояние перехода, пребывания между двумя устойчивыми статусами, стадиями или пространствами — т.н. лиминальность — не только создает условия для культурного синтеза, но и выступает

катализатором кумуляции — механизма, обеспечивающего преемственность архаических элементов в изменившемся контексте [30, С. 641]. Отметим, что эффект кумулятивности обеспечивает устойчивость архаических форм в условиях динамики культурных процессов

Начиная с периода раннего железного века, для Крыма являлось характерным этноконфессиональное многообразие. На его территории пребывали кочевые племена киммерийцев (IX – середина VII вв. до н.э.), скифов (VII – IV вв. до н.э.), сарматов (I в. до н.э. – III в. н.э.). В предгорной и горной части полуострова жили племена тавров (VIII – III вв. до н.э.). В конце VII – VI вв. до н.э. Крым становится местом расселения греческих колонистов, на полуострове появляются первые греческие поселения. В V в. до н.э. греческие города Восточного Крыма объединяются в Боспорское царство. В этом же веке на Юго-Западном побережье основывается греческий город Херсонес. В эпоху Великого переселения народов в III в. н.э. в Крым вторгается союз германских племен под предводительством готов. С этого времени в предгорном и горном Крыму начинает зарождаться новая культурная общность, потомки носителей которой в Средние века станут известны как готоаланы.

Согласно А.В.Кузнецовой и И.А.Петрулевич, в устойчивой контактной зоне межкультурных взаимодействий четкое противопоставление двух сторон (бинарная оппозиция) перестаёт быть строгим и однозначным. Вместо жёсткой дихотомии складывается многоуровневая сеть взаимосвязей, в которой проявляются различные смысловые оттенки и нюансы [15, С.96].

Как говорится у Э.Д.Фролова, одной из важнейших черт античной цивилизации было непрерывное интенсивное взаимодействие с окружающим миром, с варварской периферией. В античности были известны более или менее плодотворные попытки приобщения представителей скифской знати к культуре и образу жизни эллинов: в VI в. до н.э. — полубогатый Анахарсис, в V в. до н.э. — Скила, во II в. до н.э. — Скилура и Палака — известных строителей Скифского государства в Крыму. Скифский элемент играл заметную роль в жизни афинского общества и государства. Например, полицейскую службу в Афинах отправляли рабы-скифы, упоминаемые в комедиях Аристофана [26, С. 135–152]. В эпоху эллинизма (323–30 гг. до н.э.) значимыми процессами становятся восприятие греками восточных традиций, распространение греческого языка (койне), античного образа жизни, ценностей и институтов на завоеванных восточных землях.

Сохраняя атмосферу диалога, новая эпоха становится временем конструктивного взаимодействия различных этнических и конфессиональных групп. Постепенная трансформация этнокультурных стереотипов, конвергенция потребностей, нравов и мировоззренческих установок, осуществление мирных и непосредственных контактов между ранее противостоявшими этническими группами способствовали формированию принципиально новой модели социальной организации. Как отмечает И.Г.Дройзен, в эллинистическую эпоху сформировалась космополитическая цивилизация, которая признавала универсальные нормативные модели устройства общества и критерии образованности в различных регионах — от долины Нила до бассейна реки Яксарт [11, С. 414]

В условиях социальных изменений функционировал механизм накопления, сохранения и трансформации традиций. Активное взаимодействие культур приводило к повторяемости культурных паттернов, явлениям энантиоморфизма. Согласно Ю.М.Лотману, энантиоморфизм (от греч. *enantios* — противоположный и *morphe* — форма) — это зеркальная симметрия, при которой две части структурно подобны, но не тождественны, то есть соотносятся как правое и левое, как две ладони одной руки. Создаётся соотносимое различие, которое отличается и от тождества (которое делает диалог бесполезным), и от несоотносимого различия (которое делает диалог невозможным). Если диалогические коммуникации — основа смыслообразования, то энантиоморфные разделения единого и сближение различного — основа структурного соотношения частей в смыслопорождающем устройстве [17, С. 5–23]. Таким образом, энантиоморфизм — фундаментальный принцип, лежащий в основе смыслопорождения и диалогических отношений в культуре и искусстве. Особенностью данного процесса является особая динамика, характеризующаяся усложнением культурного ландшафта, тесной связью прошлого, настоящего и будущего, при котором каждое культурное новшество вбирает в себя историческую память, опыт предшественников. Следует отметить совпадение с идеями И.С.Кондакова, согласно которым культурное наследие как динамичная, сложноорганизованная целостность развивается путём напластования разных состояний.

Отметим, что наследие эллинизма было максимально созвучно идеологии кочевых империй, о котором говорится у О.Я.Прицака [23].

Системный концепт дивергенции как постепенной утраты сходства и выбора различными этническими и конфессиональными группами самостоятельных путей развития может быть отмечен в последующем самобытном развитии сообществ земледельцев горных долин Юго-Запада и скотоводов Северо-Востока полуострова.

В юго-западной и северо-восточной частях Крыма население развивалось относительно самостоятельно, осваивая разные экологические ниши. Различным был символический смысл культур обитателей данных регионов. К раннему Средневековью сложились два социокультурных мира: в горных долинах жили оседлые земледельцы, а на степных равнинах Северо-Востока — кочевники. Природный ландшафт влиял на восприятие действительности и формировал особый тип отношения к окружающей среде и её преобразованию.

В политической жизни данный процесс находит отражение в разделе сфер влияния между Хазарией и Византией. Способом раздела сфер влияния, новым для данной эпохи, был Хазарско-Византийский кондоминиум, установленный между данными государствами.

Две культуры — хазарская и византийская — находились в стадии роста и развития. Несмотря на заключенное перемирие, каждая из них, по А. Дж. Тойнби, являлась внешним вызовом для другой, одновременно превращаясь в залог развития культуры индивидуумов, ее представляющих. В частности, для хазар было важным обретение новых территорий, ведение торговли. Но не менее перспективной являлась возможность поддерживать постоянный диалог с поднаторевшей в дипломатических хитросплетениях Византией, сохранять дипломатические контакты и международные связи, несмотря на неоднозначную роль своего партнера.

На фоне повсеместной интолерантности Средневековья Хазария обладала исключительной веротерпимостью: в этом государстве в VII–X веках мирно уживались последователи почти всех религий, распространённых в Восточной Европе в этот период. Хазария последовала собственным путем, впервые в истории предоставив убежище конфессиональной группе иудеев, являвшейся жертвой религиозного фанатизма, установила конфессиональное самоуправление. Следует предположить: по ценности опыта в становлении управленческих систем полиэтнических государств роль Хазарии сопоставима с предназначением Великой дивергенции и европейского чуда в истории экономики Западной Европы и Северной Америки.

Синтез — процесс взаимопроникновения и соединения разных культурных традиций, ценностей, форм искусства и практик, результатом которого становится возникновение нового, уникального культурного явления. Системный концепт синтеза когерентен этапу, наступившему после установления контроля над полуостровом империи Чингизидов, когда Крым обрел политическое единство.

Следует отметить, что после монгольского завоевания структура общества соотносилась с племенными границами, которые, как говорится у Г.А.Федорова-Давыдова, существовали ещё в половецкой и гузской степях [25, С. 62]. Несмотря на смешение населения, сохранялись устойчивые образования — их основой служили этнические общности, сложившиеся ещё до монгольского нашествия. Правители Орды, продолжая традиции тюркского кочевого союза и активно взаимодействуя с разными народами, выстроили систему экономических отношений, отличительными чертами которой были строгое соблюдение договоров и уважение права собственности, что во многом предвосхищало экономические модели современных развитых правовых государств.

Успешное социальное развитие кочевых народов во многом было связано с соблюдением традиций прошлого. Сыграло позитивную роль следование принципам Великой Ясы. В собрании законов Чингисхана говорилось о запрете лжи, воровства, прелюбодеяния, о необходимости любить ближнего, как самого себя, не причинять обид и забывать их совершенно, щадить страны и города, покоряющиеся добровольно, освобождать от всякого налога и уважать храмы, посвященные Богу, а равно и служителей его. За нарушение грозила смертная казнь [8].

Как отмечал Джувейни, Чингисхан предписывал уважать все религии, не отдавая предпочтения ни одной из них. Поскольку сам правитель не принадлежал к какой-либо вере, он избегал фанатизма, не возвышал одни верования над другими и поддерживал уважаемых мудрецов и отшельников независимо от их племени. В правилах Великой Ясы с самого начала было чётко обозначено отношение нового государства к иноплеменикам. Создавая мировую империю, адаптированную к условиям своей эпохи, Чингизиды нуждались в универсальной концепции, которая помогла бы решать проблемы, связанные с разными религиями. Результатом стал переход к новой правовой системе, которую следует трактовать как реализацию инверсионного подхода к медиативности: она давала возможность вырабатывать новые смыслы и применять нестандартные, творческие решения [28, С. 118–119].

Объединению тюркских кочевых племен, составлявших основу населения полуострова, способствовало распространение в Крымском улусе мусульманской религии, в основном завершившееся в 1313г. Кроме этого, принятие ислама наилучшим образом повлияло на нравы населения. У польского путешественника XVI столетия Мартина Броневского говорится о том, что после знакомства с исламом и турецкими обычаями местные жители стали мягче и гостеприимнее. Согласно его наблюдениям, на полуострове царил порядок: за всё время пребывания он не слышал ни об одном уголовном преступлении, люди соблюдали законы, не занимались доносами и не распространяли сплетни с целью навредить другим. Отдельно он отмечал чуткое отношение к путешественникам и бедным странникам — их встречали с большим человеколюбием [6].

Системный концепт селекции, нацеленной на дифференциацию культурных явлений в рамках той или иной конфигуративной модели, был основан на встраивании в «смысловой каркас» различного эмпирического материала — социальных практик, политических идей. Полагаю, что к данному концепту следует отнести характерные для истории Крыма эпизоды повторяемости структур при изменении деталей. В частности, повторялся эпизод создания системы двойного управления (кондоминиума) над частью полуострова. В VII–X веках такую систему встраивали Византия и Хазария, а в XIV веке похожую модель воспроизвели Византия и Крымское ханство. Следует отметить совпадение алгоритмов межкультурного взаимодействия, возможных при условии одновременного существования единства смыслов и различий между культурами. Среди таких алгоритмов: энантиоморфизм, диалог, взаимное проникновение элементов, мимесис (подражание) по отношению к чужой элите, этерификация.

Контактная зона Крымского ханства и княжества Феодоро являлась территорией взаимодействия, развивающегося по схеме: «вызов» → «ответный вызов, приглашение к диалогу» → «контакты и взаимное проникновение элементов» → «этерификация и сотрудничество» [28, С. 148–149].

Дифференциация культурных явлений имела непосредственное отношение к учреждению единой правовой системы — вначале Крымского улуса, затем Крымского ханства. По сведениям де Рубрука, на раннем этапе картина управления была достаточно пестрой, но, как отмечает Р.Ю.Почекаев, уже в 1263г. послы египетского султана аз-Захира Бейбарса (1260–1277) официально взаимодействовали в Крыму с двумя представителями ордынских властей — Таяком и Тук-Бугой [22, С. 110]. На рубеже XIV–XV вв. крымские правители обладали большей самостоятельностью, их избрание зависело от крымской аристократии, а также от великого князя Литовского, заинтересованного в союзе с Крымом.

Специфика административного устройства сохранялась в бывших византийских владениях, в факториях Венеции и Генуи, где власть принадлежала собственным органам самоуправления во главе с консулами. Тем не менее, было характерным постоянное присутствие ханских представителей в Каффе.

Несмотря на провозглашение ханом Узбеком ислама государственной религией, католичество находилось под покровительством ордынских властей [22, С. 114].

Усиление Крымского Юрта, а затем образование Крымского ханства на территории Крымского улуса Золотой Орды, начало правления династии Гиреев, основателем которой в 1441г. становится избранный ханом Хаджи — Гирей, положило начало новому этапу становления правовой системы государства. В данной системе переплетались наследие Золотой Орды и воздействие арабо-исламской цивилизации эпохи ее расцвета.

Поскольку средневековое мусульманское право не всегда позволяло разобраться в юридических коллизиях, связанных с бытом родоплеменных объединений, определенный вес сохраняли традиционные нормы. В частности, Мурад Гирей (1678–1683) провел судебную реформу, согласно которой основой правоприменения становилась «чингизская торэ». Был учрежден суд *тёре* и введена должность верховного судьи — *тёре-баши*, назначаемого Крымским ханом. Судебная реформа хана Мурад Гирея апеллировала к родовой знати Крыма, так как базировалась на древних сводах законов и тюркских обычаях [21]. Однако в дальнейшем основу повседневного правосудия составляли нормы шариата. Кади (судьи) в своей работе опирались на Коран, Сунну, *иджму*, основу (согласие учёных-правоведов) и *кияс* (аналогию).

Следует отметить, что шариатские суды стали доминирующей судебной инстанцией уже после образования Крымского ханства. В их ведении находились земельные споры, семейные и наследственные дела, вопросы опеки, оформление вакуфов (имущественных пожертвований) и даже некоторые дела политического значения.

Как говорится у Р.Ю.Почекаева, силу законов имели ханские ярлыки об установлении или отмене налогов, сборов и пошлин, правила чеканки монеты. Ярлыки, содержащие пожалование тарханства, как и в золотоордынское время, могли выдаваться и отдельным лицам или семействам, и целым селениям, а также представителям определенных конфессий — например, известны ярлыки крымских ханов христианам и караимам. Отметим, что Ханские власти Крыма, исходя из экономических и политических соображений, предоставляли налоговые и иные льготы всем жителям, селившимся вокруг Чуфут-Кале, независимо от их веры — христианам, мусульманам или иудеям. При этом привилегии получали как раббаниты, так и караимы. Подтверждением служат два ханских ярлыка 1595 года, выданных общине Карасубазара. Тексты были опубликованы исследователем А.Я. Гидалевичем. В документах перечислены имена получателей: в первом случае это «евреи Лазарь, Меньямин, Исаак, Мордухай, Якув, Меер, Шолема, Гарун и другой Якув, Исаак, Кершун, Ясев», во втором — «Моше и Шолема, сыновья Якова, Яя, сын Ильи». Все перечисленные лица освобождались от различных повинностей и получали

статус тарханов. Таким образом, политика ханства была направлена на привлечение поселенцев разных конфессий через дарование им значительных прав и льгот [9, С. 175–176]

Ханский ярлык 1597 года, находившийся у карасубазарского крымчака М. А. Пейсаха, предоставлял его подданным широкие привилегии и освобождал от ряда повинностей. В частности, они освобождались от обязанности предоставлять лошадей и отводить квартиры в своих домах для служащих чиновников. Кроме того, запрещалось резать их баранов и забирать хлеб из амбаров. Подданные имели право беспошлинно ввозить из-за границы людей, лошадей, рогатый скот и другие товары. Также с получаемого ими наследства не взимался налог, называемый *рехаим*. В документе особо подчеркивалось, что подданных не следует притеснять ни в чем, что гарантировало им защиту от произвола и обеспечивало определенные экономические свободы [13, С. 102–103].

Как отмечает Р.Ю.Почекаев, даруя привилегии целым населенным пунктам, ханы не делали исключения для представителей разных вероисповеданий — например, в серии ярлыков о привилегированном положении (тарханстве) города Кырк-Ер специально оговаривается, что предоставляемыми льготами пользуются «все находящиеся в крепости Кырк-Ерской мусульмане, христиане, иудеи». Целая серия ханских ярлыков касается правового положения караимов, издавна проживавших в Кырк-Ере и других населенных пунктах. В них ханы гарантируют, как сказали бы сегодня, «культурную и религиозную автономию» представителям иудейского вероисповедания и отсутствие для них дополнительных сборов и пошлин, кроме тех, которые они должны были платить в соответствии с законами и традициями [21].

Системный концепт конвергенции — сближения, взаимопроникновения и синтеза различных культурных элементов — приводит к формированию новых интегративных структур. Процесс конвергенции предполагает диалог при сохранении самобытности различных культур.

К XIV–XV векам крымские татары обладали сложившимися традициями взаимодействия с христианами и иудеями. Культурное наследие крымских мусульман и христиан формировалось в том числе за счёт контактов с народами Средиземноморья и Балкан, а также связей с другими регионами, что способствовало выстраиванию конструктивного диалога. Исследователь М.А.Араджони рассматривает влияние веротерпимости на интеграционные процессы в Крыму, в частности, на распространение смешанных браков, приводя конкретные примеры из судебных книг XVII века. В частности, мусульманка Фатма из села Богатырь просила перенести крест, оставшийся после её отца-христианина, в дом христианки Вении. Христианка Иниша усыновила татарского ребёнка и завещала ему своё имущество. Отмечается, что члены одной семьи могли исповедовать разные религии: в селе Георги христианин Бийгельди судился с женой своего брата, мусульманкой Хангельди. Среди братьев Сеита, Магомета, Тона и Бетия двое были мусульманами, а двое — христианами. Джантемир, сын Димитрия, был христианином, а его сестра Сайме — мусульманкой. У мусульманина Мустафы жена Десфина и дочь Феодора были христианками [2, С. 204].

Известно об исключительно высоком уровне религиозной терпимости в Крымском ханстве. В частности, при Хаджи Гирее и последующих правителях уважительное отношение к православным святыням стало частью политической культуры крымских ханов, способом поддержания лояльности части населения и сохранения внутреннего мира в поликонфессиональном государстве. Сообщение А. И.Лызова о том, что мусульманский правитель обращался за помощью к Пресвятой Богородице и делал щедрые приношения православному монастырю, свидетельствует о прагматичном и уважительном отношении к культу, почитаемому подданными [18]. Отсутствовала религиозная дискриминация в политике. Согласно польскому хронисту, гуманность хана не связывалась с

конфессиональной принадлежностью просителей — он благоволил христианам, несмотря на то, что сам исповедовал ислам [6]. Мартин Бронеvский, побывавший на полуострове в 1587 г., рассказал о благополучном существовании двух католических и множества армянских храмов в Каффе, а также о мирных соглашениях и дружбе ханов с «князьями греческими» [6].

У французского путешественника XVII в. Жана де Люка говорится: «Татары радушно принимают иностранцев. Когда кто-нибудь приходит в аул, то идет в мечеть, куда ему приносят съестное. Если же это их знакомый, то они помещают его у себя, предоставляя ему особое помещение» [19, С. 474–475].

В историческом произведении «Розовый букет ханов», принадлежащем Халим-Гирай-султану — турецкому историку и представителю династии, собраны истории правления крымских ханов. Помимо особого характера власти этих монархических правителей, в силу традиции вынужденных прислушиваться к мнению Дивана, важных сановников и множества подданных, обращает на себя внимание необычное для того времени уважение иной этничности, сформировавшееся у элиты представление о государственном суверенитете, к которому имеет право стремиться каждый народ. В частности, когда во время войны с Польшей хан Ислям Гирай нанес поражение королю и польская армия была окружена в крепости Хотин, многие эмиры на государственном совете, которое собрал хан, предлагали разбить короля, разграбить Польшу, уничтожить ее как государство. Однако Ислям Гирай сказал: «Каждая страна — это родина и очаг какого-либо народа. Они обращаются к нам и просят мира. Нельзя разрушать чужие очаги» [10].

Следует отметить, что упоминание «розового букета ханов» в суфийской поэзии служит метафорой сада, символизирующего рай и гармоничный миропорядок. В этом образе разные цветы сосуществуют в едином пространстве, подчеркивая красоту многообразия. Через описание сада поэты передают идею, что в мире и человеческом обществе должно находиться место различным традициям и людям, независимо от их различий.

Идеологическое многообразие создавало условия для культурного диалога, способствуя поиску глубинных истин, выстраиванию подлинного взаимодействия, в том числе на уровне архетипов. Развитие культуры в Крымском ханстве осуществлялось в соответствии с принципом кумулятивного воздействия: смыслы и ценности каждого этапа органично перекликались с последующими и подготавливали их. Согласно Н.Я.Данилевскому, осуществляемый процесс можно охарактеризовать как «почвенное удобрение». Взаимное резонирование культур помогало усваивать новые идеи.

Особую роль в распространении ислама на землях государства Джучидов сыграл суфизм. Суфийское учение становится национальной идеей. Эзотерические учения воспринимаются как откровения, а суфийские мудрецы воспитывают элиту, выступают в качестве народных наставников. Суфии адаптировали ислам к местным традициям: учение вбирало элементы доисламских верований, что делало новую идеологию ближе народу. В результате суфизм стал не просто религией, а целостной моделью жизни. Учение суфиев воздействовало на политику, культуру, повседневную жизнь. Исламско-суфийская модель образования способствовала повышению грамотности и росту общей культуры простых людей.

Суфизм, как мистическое течение в исламе, глубоко проникает в поэзию, становится её духовным стержнем. В стихотворениях крымских поэтов-суфиев присутствует устойчивый мотив преодоления преград между людьми. Эти преграды могут быть языковыми, культурными и социальными. Их преодоление представлено как духовный и творческий акт, ведущий к более глубокому общению и постижению истины. Поэты используют метафоры, описывающие усилия, необходимые для установления контакта и взаимопонимания с собеседником, для постижения Высшего смысла. Как отмечает Н.Р.Абдульвапов, данная тема ярко выражена в творчестве Мехмеда Герая IV, известного под псевдонимом Кямиль, а также у Мустафы Джеvhери и Афиф ад-Дина Абдуллы (Афиф) [1].

Призывом к терпимости и нравственному очищению являлось творчество Ашика Умера. В лирике поэта сильны темы сострадания, справедливости, уважения к человеку вне зависимости от его статуса. Критика поэта сфокусирована не на конкретной личности, а на негативных человеческих качествах, уродующих внутренний облик людей. Автор обличает такие пороки, как лицемерие, гордыня и жестокость. Эти черты, по его мнению, разрушают личность изнутри:

Что-то с миром случилось: в нем нету покоя, Благородство и честность пропали куда-то, Справедливость исчезла — ведь время такое, Что никто не жалеет ни друга, ни брата. Все кичливыми стали, а чем тут гордиться, Если в душах одна лишь жестокость таится? Все к наживе и роскоши стали стремиться, Забывая о сердце, — какая утрата!

Совершенство в нужде, а ничтожество в славе. Торжествует любовь лишь в богатой оправе, Но, Омер, ведь на Бога пенять мы не вправе, Люди сами в несчастьях своих виноваты [3]

Следует отметить, что в этот же период распространялись и другие мистические учения — например, исихазм и каббала, а представители религиозных элит поддерживали контакты друг с другом. В итоге конфессиональные группы существовали как взаимосвязанные системы, находящиеся в состоянии взаимной корреляции.

Для характеристики представителей эзотерических учений чрезвычайно важным является отношение к иным религиозным конфессиям. О контакте между суфиями и христианскими мудрецами сообщает Ибн Баттута: суфийский шейх Эльхарасани говорил путешественнику, что «за чертою этого города живет монах христианский... служа Богу и усердно молясь». Шейх очень желал, чтобы Ибн Баттута сопровождал его при посещении этого монаха, но тот отказался, а потом «раскаивался, что не видел его» [12]. А. В. Васильев полагает, что этот факт указывает на мусульманско-христианский симбиоз в Крыму [7].

Политика Крымского ханства по отношению к иудейской диаспоре была связана с социальными процессами европейского масштаба и полностью соответствовала сформировавшимся на полуострове традициям. Представляется, что в этом смысле атмосферу Средневекового Крыма можно противопоставить эпидемии фанатизма и жестокости, на

тот момент охватившей Европу. Сложившаяся социальная структура, собственная матрица оказалась главным условием исторического пути иудеев, чья судьба сформировалась на этом полуострове. Ее обычно объясняют пребыванием в диссипативном состоянии, постоянным состязательностью, в ходе которого закреплялись самые успешные паттерны, а также актуализацией так называемых слабых связей. Эти же обстоятельства, в свою очередь, сыграли определяющую роль и в формировании матрицы в армянской культуре, а значит, и в развитии армянской диаспоры в Крыму [28, С. 175–177, 229–235].

Обсуждение

В исследовании задействованы элементы системно-синергетического метода — констатируются процессы межкультурного диалога, взаимного проникновения элементов, отмечены энантиоморфизм, мимесис (подражание чужой элите), этерификация, схема взаимодействия «вызов-ответ» (в соответствии с теорией А.Тойнби). Отметим, что использованию моделей, характерных для естественных наук, в гуманитарных исследованиях положили начало Ю.М.Лотман, рассматривающий культуру в качестве сложной, открытой, нелинейной системы, пребывающей в состоянии самоорганизации, и Э.Маркарян, исследовавший роль традиций. Согласно его заключению, ресурсом для самоорганизации культуры является накопленный опыт.

К выводам, близким решению на основе системно-синергетического подхода, позволяет прийти архитектурный метод И.В.Кондакова, используемый в рамках исторической культурологии. Очевидна целесообразность полиметодологии, предлагаемой ученым, предложившим задействовать не просто разные, но и принципиально противоположные методологические подходы [14]. Как полагают исследователи, состояние современной науки, возрастание числа явлений, требующих культурологического анализа и осмысления, требуют превращения единого и универсального метода в гибкую, поливариантную систему, позволяющую организовать взаимодействие различных методологических уровней. Поскольку культурология объединяет различные уровни и явления культуры, находит в них общее ценностное содержание, для этого должны использоваться специальные методы и подходы [4]. В контексте тезиса о включении в себя каждой новой культурно-исторической парадигмой содержания предыдущих этапов актуальна гипотеза, предполагающая возможность возвращения культуры к более и ранней модели социального развития. Типологическое разнообразие архаизирующих тенденций, а также сложный характер их взаимодействия и сочетания с другими процессами, влияющими на состояние культурной системы, рассматривала В. М. Хачатурян [27].

Заключение

Рекурсивная природа социальной практики, обусловленная гармоничным сочетанием разнообразных культурных укладов, на протяжении многих веков служила основным вектором исторического прогресса Крымского полуострова. Круг ценностей, норм и традиций прошлого сохранялся в последующих периодах. В каждом культурном явлении в свёрнутом виде была отражена история культуры — взаимосвязанные пласты генетической и культурной памяти, содержащие «следы» и «отпечатки» культурно-исторического прошлого.

Сближение идейных течений находило отражение в системах ценностей, которые, в свою очередь, гармонизировали с универсальным золотым правилом нравственности, постулирующим принцип взаимного уважения в человеческих отношениях.

Взаимное влияние, подобно резонансу, усиливало и преумножало культурное наследие, формируя устойчивые тенденции в идейной сфере. Постоянные контакты носителей различных мировоззрений осуществлялись в русле общечеловеческих этических норм. Таким образом, прогрессивное развитие региона опиралось не только на культурный обмен, но и на формирование этически выдержанного общества, где принципы справедливости, доброжелательности и взаимопонимания служили фундаментом социальных отношений.

В силу выявления общих закономерностей в формировании культурных нарративов и мировоззренческих парадигм, архаический пласт, составляющий основу крымскотатарского культурного кода, демонстрирует типологическое сходство с социокультурными установками эпохи эллинизма.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Абдульвапов Н.Р. Крымскотатарская литература периода Крымского ханства / Н.Р. Абдульвапов // Реальное время. — URL: <https://realnoevremya.ru/articles/289472-krymskotatarskaya-literatura-perioda-krymskogo-hanstva?ysclid=mupldrx85i7519489591> (дата обращения: 03.10.2026).
2. Араджони М.А. Греки / М.А. Араджони // От киммерийцев до крымчаков (Народы Крыма с древнейших времен до конца XVIII века) / И.Н. Храпунов, А.Г. Герцен. — Симферополь: Феникс, 2014. — С. 192–208.
3. Ашык О. Стихотворения / О. Ашык; пер. Н. Романовой // Библиотека Хуршида Даврона. — URL: <https://greylib.align.ru/1113/ashyk-omer-stixi.html> (дата обращения: 03.10.2026).

4. Балакирева Т.А. Методологии исследования культуры в уровневом контексте / Т.А. Балакирева, Н.И. Ромах. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologii-issledovaniya-kultury-v-urovnevom-kontekste.pdf> (дата обращения: 03.10.2026).
5. Бондырева С.К. Традиции: стабильность и преемственность в жизни общества: Учебное издание / С.К. Бондырева, Д.В. Колесов. — Москва: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2007. — 280 с.
6. Бронеvский М. Описание Татарии / М. Бронеvский; пер. И.Г. Шершнеvича, прим. Н.Н. Муратовой. — URL: <https://www.vostitut.info/Texts/Dokumenty/Krim/XVI/Bronevskiy/frames.htm> (дата обращения: 03.10.2026).
7. Васильев А.В. Священные тайны Крыма / А.В.Васильев. — Севастополь: Библекс, 2013. — 256 с.
8. Великая Яса / Пер. Г.В. Вернадского / Монголы и Русь / Г.В. Вернадский. — Тверь; Москва: ЛЕАН: АГРАФ, 1997. — С.108–130. — URL: <https://vostlit.info/Texts/Dokumenty/Mongol/Jasa/text.phtml?id=4405> (дата обращения: 03.10.2026).
9. Гидалевич А.Я. Два ханских ярлыка, принадлежащих общине евреев-крымчаков в Карасубазаре / А.Я. Гидалевич // ИТУАК. — Симферополь: Тип. Таврического Губернского Земства, 1918. — С. 175–180.
10. Гирай-султан Х. Розовый куст ханов / Х. Гирай-султан. — URL: https://www.Vostitut.info/Texts/Dokumenty/Krym/XV/Rosovyi_kust_chanov/1.phtml?id=12921 (дата обращения: 03.10.2026).
11. Дройзен И.Г. История эллинизма. История Александра Великого / И.Г.Дройзен. — Москва: Академический Проект; Киров: Константа, 2011. — 623 с.
12. Ибн Баттута. Подарок наблюдающим дикийннки городов и чудеса путешествий. Путешествие шейха Ибн-Баттуты в Золотую Орду в середине XIV века / Ибн Баттута. — URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus5/Battuta_2/text1.phtml?id=12573 (дата обращения: 03.10.2026).
13. Кая И.С. Ханские ярлыки, данные крымчакам / И.С. Кая // Еврейская старина. — 1914. — Вып. 1. — С. 102–103.
14. Кондаков И.В. Архитектоника русской культуры: дис. ... д-ра филос. наук / Кондаков Игорь Вадимович. — Москва.1998. — URL. <https://www.disscat.com/content/arkhitektonika-russkoi-kultury?ysclid=mrue0agl70790390789/1> (дата обращения: 03.10.2026).
15. Кузнецова А.В. Городской текст: семиозис культурного кода / А.В. Кузнецова, И.А. Петрулевич // Социально-гуманитарные знания. — 2019. — № 11. — С. 89–95.
16. Лебедев С.А. Философия науки: словарь основных терминов / С.А. Лебедев. — 2004. — URL: <https://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/philosophy-of-science/index.htm> (дата обращения: 03.10.2026).
17. Лотман Ю.М. О семиосфере. Структура диалога как принцип работы семиотического механизма. Выпуск 17. Труды по знаковым системам / Ю.М. Лотман // Ученые записки Тартуского гос. ун-та. — 1984. — Вып. 641 — С. 5–23.
18. Лызлов А.И. Скифская история / А.И. Лызлов. — Москва: Эсмо, 2012. — 320 с. — URL: https://www.royalib.com/book/lizlov_andrey_skifskaya_istoria_html (дата обращения: 03.10.2026).
19. Люк Ж. Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин Жана де Люка, монаха Доминиканского ордена (1625 г.) / Ж де Люк // ЗООИД. — 1879. — Т. 11. — С. 473–503.
20. Маркарян Э.С. Узловые проблемы теории культурной традиции / Э.С.Маркарян // Советская этнография. — 1981. — №2. — С. 78–96. — URL: https://rusneb.ru/catalog/000202_000006_1101298/?ysclid=msrver8oqs773861235 (дата обращения: 03.10.2026).
21. Почекаев Р.Ю. Правовая культура Крымского ханства. Из истории крымских татар, династии Гераев и потомков Джучидов / Р.Ю. Почекаев // Реальное время. — 2023.— URL: <https://realnoevremya.ru/articles/286721-pravovaya-kultura-krymskogo-hanstva> (дата обращения: 03.10.2026).
22. Почекаев Р.Ю. Правовые реалии золотоордынского Крыма глазами иностранных современников / Р.Ю. Почекаев // КИО. — 2023. — Т. 10. — № 2. — С. 107–123. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-realii-zolotoordynskogo-kryma-glazami-inostrannyh-sovremennikov> (дата обращения: 03.10.2026).
23. Прицак О.Й. Походження Русі. Стародавні джерела (крім ісландських sag) // О.Й. Прицак. — Киев: Обереги, 1997. — Т. 1. — 1074 с.
24. Улинова И.Х. Динамика традиций в культуре: общая характеристика и фактор взаимодействия с инновациями / И.Х. Улинова // Вестник СПбГИК. — 2019. — № 4 (41). — С. 124–128.
25. Федоров-Давыдов Г.А. Государственный строй Золотой Орды / Г.А. Федоров-Давыдов. — Москва: Московский университет, 1973. — 181 с.
26. Фролов Э.Д. Скифы в Афинах / Э.Д. Фролов // Вестник Древней Истории. — 1998. — № 1. — С. 135–152.
27. Хачатурян В.М. Вторая жизнь архаики: архаизирующие тенденции в цивилизационном процессе / В.М. Хачатурян. — Москва: Academia, 2009. — 291 с.
28. Чернышева Е.В. Особенности межконфессиональных отношений в крымском обществе XV — XVII столетий / Е.В. Чернышева. — Симферополь: Ариал, 2021. — 320 с.
29. Шилз Э. Власть и ценности / Э. Шилз // Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия: Учеб. пособие для студентов вузов / Б.С. Ерасов. — Москва: Аспект пресс, 1998. — С.162–173.
30. Щеголев М.А. Кумулятивный эффект в культуре (на примере древнегерманской культуры) / М.А. Щеголев // СибСкрипт. — 2025. — Т. 27. — № 4. — С. 631–643. — URL: <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-4-631-643> (дата обращения: 03.10.2026). — DOI: 10.21603/sibscript-2025-27-4-631-643.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Abdulvapov N.R. Krimskotatarskaya literatura perioda Krimskego khanstva [Crimean Tatar Literature of the Crimean Khanate Period] / N.R. Abdulvapov // *Realnoe vremya* [Real Time]. — URL: https://realnoevremya.ru/articles/289472-krimskotatarskaya-literatura-perioda-krimskego-hanstva?ysclid=mupldrx_85i7519489591 (accessed: 03.10.2026). [in Russian]
2. Aradzhioni M.A. Greki [The Greeks] / M.A. Aradzhioni // *Ot kimmeriitsev do krimchakov* (Narodi Krima s drevneishikh vremen do kontsa XVIII veka) [From the Cimmerians to the Krymchaks (The Peoples of Crimea from the Earliest Times to the End of the XVIII Century)] / I.N. Khrapunov, A.G. Gertsen. — Simferopol: Phoenix, 2014. — P. 192–208. [in Russian]
3. Ashik O. Stikhotvoreniya [Poems] / O. Ashik; transl. by N. Romanova // *Biblioteka Khurshida Davrona* [The Khurshid Davron Library]. — URL: <https://greylib.align.ru/1113/ashyk-omer-stixi.html> (accessed: 03.10.2026). [in Russian]
4. Balakireva T.A. Metodologii issledovaniya kulturi v urovnevnom kontekste [Methodologies for the study of culture within a hierarchical framework] / T.A. Balakireva, N.I. Romakh. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologii-issledovaniya-kultury-v-urovnemnom-kontekste.pdf> (accessed: 03.10.2026). [in Russian]
5. Bondireva S.K. Traditsii: stabilnost i preemstvennost v zhizni obshchestva: Uchebnoe izdanie [Traditions: Stability and Continuity in Society: A Textbook] / S.K. Bondireva, D.V. Kolesov. — Moscow: Moscow Psychological and Social Institute Press; Voronezh: 'MODEK' NGO Publishing House, 2007. — 280 p. [in Russian]
6. Bronevskii M. Opisanie Tatarii [Description of Tatarstan] / M. Bronevskii; transl. by I.G. Shershnevich, notes by N.N. Muratova. — URL: <https://www.vostitut.info/Texts/Dokumenty/Krim/XVI/Bronevskiy/frames.htm> (accessed: 03.10.2026). [in Russian]
7. Vasilev A.V. Svyashchennye tainy Krima [The Sacred Mysteries of Crimea] / A.V. Vasilev. — Sevastopol: Bibleks, 2013. — 256 p. [in Russian]
8. Velikaya Yasa [The Great Yasa] / Transl. by G.V. Vernadsky / *Mongoli i Rus* [The Mongols and Rus] / G.V. Vernadskii. — Tver; Moscow: LEAN: AGRAF, 1997. — P.108–130. — URL: <https://vostlit.info/Texts/Dokumenty/Mongol/Jasa/text.phtml?id=4405> (accessed: 03.10.2026). [in Russian]
9. Gidalevich A.Ya. Dva khanskikh yarlika, prinadlezhashchikh obshchine yevreev-krimchakov v Karasubazare [Two Khan's decrees belonging to the Crimean-Jewish community in Karasubazar] / A.Ya. Gidalevich // ITUAK. — Simferopol: Printing House of the Taurida Provincial Governorate, 1918. — P. 175–180. [in Russian]
10. Girai-sultan Kh. Rozovii kust khanov [The Khans' rose bush] / Kh. Girai-sultan. — URL: https://www.vostitut.info/Texts/Dokumenty/Krym/XV/Rosovyi_kust_chanov/1.phtml?id=12921 (accessed: 03.10.2026). [in Russian]
11. Droizen I.G. Istoriya ellinizma. Istoriya Aleksandra Velikogo [The History of Hellenism. The History of Alexander the Great] / I.G. Droizen. — Moscow: Academic Project; Kirov: Konstanta, 2011. — 623 p. [in Russian]
12. Ibn Battuta. Podarok nablyudayushchim dikovinki gorodov i chudesa putestestvii. Putestestvie sheikha Ibn-Battuti v Zolotuyu Ordu v seredine XIV veka [A treat for those who love to discover the wonders of cities and the marvels of travel. Sheikh Ibn Battuta's journey to the Golden Horde in the mid-XIV century] / Ibn Battuta. — URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus5/Battuta_2/text1.phtml?id=12573 (accessed: 03.10.2026). [in Russian]
13. Kaya I.S. Khanskies yarliki, dannie krimchakam [Khan's decrees granted to the Crimean Tatars] / I.S. Kaya // *Yevreiskaya starina* [Jewish Antiquities]. — 1914. — Iss. 1. — P. 102–103. [in Russian]
14. Kondakov I.V. Arkhitektonika russkoi kulturi [The Architecture of Russian Culture]: diss. ... PhD in Philosophy / Kondakov Igor Vadimovich. — Moscow. 1998. — URL: <https://www.disscat.com/content/arkhitektonika-russkoi-kultury?ysclid=mrue0agl70790390789/1> (accessed: 03.10.2026). [in Russian]
15. Kuznetsova A.V. Gorodskoi tekst: semiozis kulturnogo koda [Urban Text: The Semiosis of the Cultural Code] / A.V. Kuznetsova, I.A. Petrulevich // *Sotsialno-gumanitarnie znaniya* [Social Sciences and Humanities]. — 2019. — № 11. — P. 89–95. [in Russian]
16. Lebedev S.A. Filosofiya nauki: slovar osnovnikh terminov [Philosophy of Science: A Glossary of Key Terms] / S.A. Lebedev. — 2004. — URL: <https://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/philosophy-of-science/index.htm> (accessed: 03.10.2026). [in Russian]
17. Lotman Yu.M. O semiosfere. Struktura dialoga kak printsip raboti semioticheskogo mekhanizma. Vipusk 17. Trudi po znakovim sistemam [On the Semiosphere. The Structure of Dialogue as a Principle of the Semiotic Mechanism. Issue 17. Studies on Sign Systems] / Yu.M. Lotman // *Uchenie zapiski Tartuskogo gos. un-ta* [Scientific Notes of the University of Tartu]. — 1984. — Iss. 641 — P. 5–23. [in Russian]
18. Lizlov A.I. Skifskaya istoriya [The History of the Scythians] / A.I. Lizlov. — Moscow: Esmo, 2012. — 320 p. — URL: https://www.royalib.com/book/lizlov_andrey_skifskayaistoria.html (accessed: 03.10.2026). [in Russian]
19. Luc J. Opisanie perekopskikh i nogaiskikh tatar, cherkesov, mingrelov i gruzin Zhana de Lyuka, monakha Dominikanskogo ordena (1625 g.) [A Description of the Perekop and Nogai Tatars, Circassians, Mingrelians and Georgians by Jean de Luc, a monk of the Dominican Order (1625)] / J de Luc // ZOOID. — 1879. — Vol. 11. — P. 473–503. [in Russian]
20. Markaryan E.S. Uzlovie problemi teorii kulturnoi traditsii [Key Issues in the Theory of Cultural Tradition] / E.S. Markaryan // *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography]. — 1981. — №2. — P. 78–96. — URL: https://rusneb.ru/catalog/000202_000006_1101298/?ysclid=msrver8oqs773861235 (accessed: 03.10.2026). [in Russian]
21. Pochekaev R.Yu. Pravovaya kultura Krimskego khanstva. Iz istorii krimskikh tatar, dinastii Geraev i potomkov Dzhuchidov [The Legal Culture of the Crimean Khanate: From the History of the Crimean Tatars, the Geray Dynasty and the Descendants of the Jochids] / R.Yu. Pochekaev // *Realnoe vremya* [Real Time]. — 2023. — URL: <https://realnoevremya.ru/articles/286721-pravovaya-kultura-krimskego-hanstva> (accessed: 03.10.2026). [in Russian]

22. Pochekaev R.Yu. Pravovie realii zolotoordinskogo Krima glazami inostrannikh sovremennikov [The legal realities of the Golden Horde's Crimea as seen through the eyes of foreign contemporaries] / R.Yu. Pochekaev // KIO. — 2023. — Vol. 10. — № 2. — P. 107–123. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-realii-zolotoordynskogo-kryma-glazami-inostrannyh-sovremennikov> (accessed: 03.10.2026). [in Russian]
23. Pritsak O.I. Походження Русі. Стародавні джерела (крім ісландських саг) [The Origins of Rus'. Ancient Sources (excluding the Icelandic sagas)] // O.I. Pritsak. — Kyiv: Oberegi, 1997. — Vol. 1. — 1074 p. [in Ukrainian]
24. Ulinova I.Kh. Dinamika traditsii v kulture: obshchaya kharakteristika i faktor vzaimodeistviya s innovatsiyami [The Dynamics of Traditions in Culture: A General Characterisation and Factors Influencing Interaction with Innovation] / I.Kh. Ulinova // Vestnik SPbGIIK [Bulletin of St Petersburg State Institute of Culture]. — 2019. — № 4 (41). — P. 124–128. [in Russian]
25. Fedorov-Davidov G.A. Gosudarstvennii stroi Zolotoi Ordi [The Political System of the Golden Horde] / G.A. Fedorov-Davidov. — Moscow: Moscow University, 1973. — 181 p. [in Russian]
26. Frolov E.D. Skifi v Afinakh [The Scythians in Athens] / E.D. Frolov // Vestnik Drevnei Istorii [Bulletin of Ancient History]. — 1998. — № 1. — P. 135–152. [in Russian]
27. Khachaturyan V.M. Vtoraya zhizn arkhaiki: arkhaizuyushchie tendentsii v tsivilizatsionnom protsesse [The Second Life of Archaism: Archaising Trends in the Civilisational Process] / V.M. Khachaturyan. — Moscow: Academia, 2009. — 291 p. [in Russian]
28. Chernisheva Ye.V. Osobennosti mezhekfessionalnykh otnoshenii v krimskom obshchestve XV — XVII stoletii [Specifics of interfaith relations in Crimean society in the XV–XVII centuries] / Ye.V. Chernisheva. — Simferopol: Arial, 2021. — 320 p. [in Russian]
29. Shilz E. Vlast i tsennosti [Power and Values] / E. Shilz // Sravnitelnoe izuchenie tsivilizatsii: Khrestomatiya: Ucheb. posobie dlya studentov vuzov [A Comparative Study of Civilisations: Reader: A Study Guide for University Students] / B.S. Yerasov. — Moscow: Aspekt press, 1998. — P.162–173. [in Russian]
30. Shchegolev M.A. Kumulyativnii effekt v kulture (na primere drevnegermanskoi kulturi) [The cumulative effect in culture (on the example of ancient Germanic culture)] / M.A. Shchegolev // SibSkript [SibScript]. — 2025. — Vol. 27. — № 4. — P. 631–643. — URL: <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-4-631-643> (accessed: 03.10.2026). — DOI: 10.21603/sibscript-2025-27-4-631-643. [in Russian]